

ГЛАВА 1

— Если у парня сорвало крышу, то он — человек-кабриолет...

Я оторвалась от большого картонного ящика, в котором безуспешно искала вилки, и посмотрела на произнесшую эту фразу женщину в заляпанном краской комбинезоне.

— Простите, Надя, что вы сказали?

— Машина без верха называется кабриолет, — объяснила она.

— Ты зачем сюда пришла? — нахмурившись, вмешалась Роза Леопольдовна. — Чтобы людям вещи раскладывать мешать?

— Нет, нет! — зачастила Надя. — Меня Николай прислал, просил у вас кое-что взять. Дайте, пожалуйста, побыстрее.

— Если вы скажете, что нужно вашему мужу, то я попытаюсь это найти, — вздохнула я, оглядывая несметное количество коробок, заполонивших комнату.

— Ну... такое... розовенькое такое, — принялась размахивать руками Надя, — круглое и квадратное... стоит в углу...

Я потрясла головой. Нечто розовенькое, причем одновременно круглое и квадратное, да еще способное стоять? Даже представить не могу, что это такое.

— Название скажи, — велела Краузе.

— Чье? — разинула рот Надя.

— Вещи, — уточнила няня Кисы.

— Какой? — заморгала Надежда.

— Той, за которой ты явилась, — объяснила я.

— Мне ничегошеньки от вас не надо, — протянула Надя. — У нас все есть, машину покупать собрались. Правда, подержанную, на новую денег не собрали.

— Зачем тогда притопала? — начала закипать Роза Леопольдовна.

— Так Колька послал, — повторила Надя. — Ему потребовалось, не мне. По работе надо, не для себя. Ну... как же ее... простое слово, недлинное... апельсин и яд...

Я села на табуретку.

— Роза Леопольдовна, у нас есть фрукты?

— Дорогая Лампа, я не помню, что из еды привезли в новый дом, — заявила няня. — Извините, от переезда голова идет кругом. Если хотите, схожу в магазин при поселке.

— Не надо, — возразила я. — За фруктами прислали Надежду, они нужны Николаю. А вот что прораб имел в виду под ядом, непонятно.

Краузе подбоченилась.

— Совсем мужик обнаглел! Апельсинами его угощать тут никто не собирается. Надежда, возвращайся к мужу и четко передай: «По договору бригаде положены харчи на завтрак, обед и ужин. Вам их завезли на неделю. Черную икру, перепелиные яйца, шоколад и апельсины с ядом покупайте сами, хозяйка гастрономических изысков не обещала». Сегодня ему захотелось одних деликатесов, завтра он пожелает фуа-гра, а в пятницу потребует устриц! Что на меня уставилась? Ступай, не мешай разбирать вещи.

Я с благодарностью посмотрела на няню. Она умеет разговаривать со строителями, может твердо сказать прорабу «нет», а я, беседуя с ним, всякий раз мямлю, не умею выразить свои претензии.

— Чего-то я не поняла... — жалобно протянула Надя.

Роза Леопольдовна свела брови в одну линию.

— И в чем загвоздка?

— Колька не просил апельсинов, — заныла Надя.

Няня повернулась ко мне.

— Вы слышали, что Надежда минуту назад потребовала?

— Апельсины и яд, — подтвердила я.

— Я другое говорила, — возразила жена прораба, — надо розовое, круглое, квадратное. А название у того, чего Николай хочет, простое, не длинное и не короткое, вроде как апельсин или яд. Сами фрукты не нужны, у Коли на них аллергия с детства. И отравы-то зачем? Дайте поскорей, что мужу требуется, а то он заругается! У него в последнее время злобность характера развилась, чуть что, сразу орет бешеным крокодиллом. Когда в загс пять лет назад шли, он ласковым был, а теперь крышу сорвало. Одно слово — человек-кабриолет.

Я потеряла ладонью висок, позавидовав нервной системе Николая. Похоже, нервы у него из железобетона, раз он прожил в браке не один год, прежде чем стал покрикивать на супругу. Я познакомилась с Надей всего две недели назад, но уже успела превратиться, по ее терминологии, в мадам-кабриолет. Скажу честно: впервые в жизни встретила такую глупую, ничего не умеющую делать особу, как Надежда. Да Коле надо медаль за такое терпение выдать!

Краузе открыла одну из коробок, заглянула внутрь.

— Простите, Лампа, вы не помните, куда мы положили принадлежности для письма?

— Все где-то там, — пробормотала я, показывая на пирамиды коробок-близнецов.

Тут Надя вытащила из кармана заляпанного краской комбинезона фломастер и, улыбаясь, сказала:

— Во, забирайте. Навсегда! Мне не жалко.

— Спасибо, не надо, — отказалась от подарка Краузе и вручила малярше кусок картона. — Иди к супругу, пусть напишет, что ему требуется, и принеси нам его каракули. Поняла?

— Вы меня дурой считаете? — оскорбилась Надя.

— Просто слегка забывчивой, — смягчила я ситуацию. — Со всеми случается, и я часто забываю нужную информацию. С утра пыталась вспомнить, какой день недели на дворе, то ли четверг, то ли среда, но так и не сообразила.

— Сегодня вторник, — обронила Краузе.

— Не-а, понедельник, — заспорила Надя, — четырнадцатое февраля.

— Января, — поправила я. — Месяцы я не путаю.

— Все, Надежда, ступай в большой дом, — распорядилась Роза Леопольдовна. — Да скажи Николаю, пусть в следующий раз с заданием присылает Веру.

— Моя сестра говорить не умеет, — надулась Надя. — Она инвалид, ее из жалости в бригаду европейской отделки квартир взяли.

— Зато ты слишком разговорчивая! — разозлилась Краузе. — Ну, чего стоишь? Видишь, сколько у нас работы? Ты тут незваная гостья, развлекать тебя светской беседой не собираемся!

— Сурово вы с ней, — вздохнула я, когда Надежда наконец удалилась.

Няня поморщилась.

— Стараюсь быть вежливой с людьми, однако встречаются бестолковые особы, которые, пока на них не рывкнешь, весь мозг выгрызут.

— Люди-кабриолеты, — усмехнулась я.

Роза Леопольдовна рассмеялась.

— Надежда круглая дура, но иногда оригинально высказывается. Пойду, попытаюсь отыскать кухонную утварь...

Краузе пошла к одной стене комнаты, я направилась к другой.

Вам интересно, почему все вещи оказались упакованы? Куда мы всей семьей перебрались? Сейчас объясню.

Год назад наши мопсихи Фира и Муся неожиданно заболели. Всегда веселые собаки не носились по квартире, а лежали в разных углах гостиной, старательно нализывая лапы. Я наивная, как бабочка, решила, что они повзрослели и начали заботиться о внешности. Но через неделю мопсихи отказались от еды. Спешно вызванный ветеринар Паша с ходу поставил диагноз:

— У них аллергия на реагент, который льют на дороги.

— Читала в Интернете, что он безопасен, — возразила я.

Доктор хмыкнул:

— Приятно встретить человека, который верит информации, выловленной в Сети. Посмотрите на свои сапожки, вон у двери стоят. Что с ними случилось?

— Не знаю, — призналась я. — Купила новые ботильоны хорошего качества, из натуральной ко-

жи, поносила всего неделю, а они скукожились, покрылись трещинами... Погодите, вы думаете, это произошло из-за гадости, которую на улицах разбрызгивают?

— Вот именно, — кивнул ветеринар. — У Фиры с Мусей воспалились лапы, а мопсихи, пытаясь облегчить боль, нализались этой пакости и отравились.

— Но я всегда мою им лапки после прогулки.

— И хорошо делаете, иначе бы собачки вовсе ходить не смогли, — похвалил меня Павел. — Но вы же своих питомиц не кипятите, правда? А дорожная химия водой, даже теплой и с мылом, до конца не смывается.

— И что теперь делать? — занервничала я.

— Купите им тапки, — дал совет звериный доктор.

Следующий месяц мы с Максом пытались объяснить Фире и Мусе, что надо обуваться перед выходом на променад. Сначала я приобрела для них резиновые боты, потом угги, затем кроссовки на липучках. Но вредные мопсихи, едва их обували, замирали и не желали двигаться. А если я на руках выносила их на улицу, мигом падали на бок. Пришлось признать свое поражение.

Тогда я приобрела специальный крем, на упаковке которого была надпись: «Для упрямых животных, не желающих носить калоши. Оберегает от раздражения. Не токсичен. Не оставляет следов на полу. Не скользит». Фира и Муся спокойно разрешили обработать лапки и охотно побегали во дворе. Но дома, когда я начала мыть собачек, обнаружилось, что прекрасный крем никак не смывается.

Я опять взяла упаковку и увидела ранее не замеченную надпись, сделанную мелкими, размером с маковое зерно, буквами: «Снимается исключитель-

но лосьоном «Антикрем». Решив немедленно сгонять в магазин за этим средством, я вышла из ванной и — упала. Роза Леопольдовна, увидев это, бросилась ко мне на помощь и тоже шлепнулась. Замечательное средство для псов сделало пол в квартире скользким катком! И оно, как и обещала реклама, оказалось весьма стойким. Мы с Краузе на протяжении двух дней драили плитку и паркет, прежде чем перестали передвигаться по квартире, держась за стены.

Через неделю после этого у Кисы начался кашель, который не проходил, несмотря на все принятые меры. Редька с медом, сок алоэ, горчичники, шерстяные носки, сироп подорожника, мукалтин и прочие испытанные средства оказались бессильны.

— Ваш ребенок должен жить на свежем воздухе, — сказал педиатр, прописывая уколы, — иначе у девочки разовьется астма. Сейчас улицы поливают химией, она испаряется и оседает в легких.

— Ищем коттедж! — объявил Макс.

Остаток зимы, весну и лето мы катались по Подмосковью в поисках подходящего дома. Многие наши приятели обзавелись загородной недвижимостью, и мы с Максом, наслушавшись их рассказов об ужасах, связанных с возведением особняков, твердо решили: приобретаем только готовое здание. Не станем тратить три-четыре года жизни на стройку, хотим переехать на природу уже осенью.

К октябрю нам с мужем стало понятно, что поиски подходящего коттеджа могут растянуться на десятилетия. И тут вдруг позвонила Капа, мать Макса, ничего не знавшая о наших планах:

— Лампуша, знакомая моих знакомых продает особняк неподалеку от Москвы. Просит за него недорого, потому что ей срочно нужны деньги. Если кто из твоих приятелей ищет загородное жилье, то

лучшего варианта не найти. Поселок старый, небольшой, стоит в лесу, до МКАД десять минут на машине. Дом двухэтажный, участок огромный, есть гостевой коттедж, баня, гараж на две машины. Особняк прекрасно оборудован, продается вместе с мебелью и всем необходимым.

Мы заинтересовались предложением, приехали в поселок под названием «Крот» и поняли, что нашли дом своей мечты.

С владелицей недвижимости мы не встречались, знали только, что ее зовут Тамара Федоровна Николаева. Сделку от ее имени совершали адвокат и риелтор, которые выполнили все формальности мгновенно. Потом мы нашли бригаду ремонтников, договорились, что восьмого января они приступят к работе, и обложились мебельными каталогами. Кровати, столы, стулья, диваны, кресла, мебель для кухни, то есть все, полученное вместе с домом, было хорошего качества, но использовалось чужими людьми, а нам хотелось приобрести новую мебель по своему вкусу.

— Надеюсь уже в этом году нарядить елку во дворе тридцать первого декабря, — со вздохом сказала я Макс.

— Это обязательно случится, — улыбнулся муж.

— Через двенадцать месяцев, — грустно уточнила я.

— Мы переедем намного раньше, — начал утешать меня Макс, — в конце мая точно справим новоселье.

В полночь, когда били куранты, я быстро нацарапала на бумажке текст: «Хочу очутиться за городом как можно быстрее». Затем слопала клочок и запила шампанским.

Ох, не зря умные люди предостерегают: «Бойтесь своих желаний, они исполняются».

ГЛАВА 2

Десятого января я проснулась в своей квартире от оглушительного «ба-бабах», раздавшегося, как показалось, прямо у меня в постели. Через секунду с воплем: «Война началась! Окна в гостиной и кухне выбило!» — в спальню влетела Краузе.

Я испугалась, бросилась в общую комнату и поняла: случилась беда. Пол был усеян осколками, люстра лежала на паркете, натяжной потолок сорвало начисто, вдобавок по стенам текли реки воды. Я остолбенела. И тут раздался звонок в дверь, а потом понесся истошный вопль соседки Людмилы Ивановны:

— Лампа! Роза Леопольдовна! Спасайтесь, нас взрывают!

Мы с Краузе лихорадочно забегали по квартире, потом бросились на выход и по лестнице сбежали во двор. Няня держала на руках тепло одетую Кису, я крепко сжимала две перевозки, в которых сидели перепуганные Муся и Фира.

Вскоре примчались, воя сиренами, пожарные машины, несколько карет «Скорой помощи» и полиция. Жильцов отвели в расположенную поблизости школу и разместили в актовом зале.

Мы с Розой Леопольдовной посмотрели на соседей и поняли, что являемся самыми глупыми жильцами. Все присутствующие, покидая квартиры, закутались в дорогие шубы, взяли сумки с едой, одеждой, документами, драгоценностями. А мы с Краузе прихватили только Кису, двух мопсов и пакет собачьего корма, а сами сбежали в чем были — я во фланелевой пижамке с изображением щенят разных пород, няня в кружевной ночной сорочке с пикантным вырезом. Хорошо хоть она догадалась

тепло одеть Кису и накинуть на себя куртку. Я, правда, тоже влезла в пуховик, зато на ногах были домашние тапки в виде котят.

— Следовало паспорта захватить, — с запозданием догадалась Роза Леопольдовна.

— Не помню, где документы лежат, — пригорюнилась я, — то ли в моем секретере, то ли у Макса в кабинете.

— Похоже, соседи заблаговременно приготовились к любым катаклизмам, — резюмировала няня, осматривая окружающих. — У них явно стояли в прихожих заранее собранные тревожные чемоданчики. А я, лохушка, зачем-то сцапала с комода газету с кроссвордом и сунула ее в карман.

Через час стало известно, что гастарбайтеры, делавшие ремонт в квартире над нашей, решили самостоятельно, не обратившись в «Мосгаз», перенести в другой угол кухни плиту. Они производили сварку, что-то не так сделали, и — прогремел взрыв. По счастливой случайности обошлось без жертв, но четыре квартиры, включая нашу с Максом, оказались непригодны для проживания, а во всем доме отключили свет, газ и водопровод.

Сутки мы провели в школе, потом пожарные разрешили зайти домой. К тому времени из Челябинска прилетел находившийся там в командировке Макс и радостно заявил:

— Все супер! Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Переезжаем в гостевой домик на купленном участке. Места там полно, на первом этаже кухня-гостиная и еще одна комната, на втором три спальни. Лампудель, ты хотела нарядить елку в нашем особняке? Ура! Теперь ты это сделаешь! Справим Старый новый год за городом. Это здорово!

Я не нашлась, что сказать в ответ, а Макс развил бешеную активность.

Если мой муж берется за какое-то дело, то оно выполняется быстро и качественно. В районе пяти вечера в разрушенной квартире появилось много людей в комбинезонах с логотипом «Переезд с удовольствием», они начали живо запихивать вещи в привезенные с собой картонные ящики. Я тоже занималась сборами — на каждую коробку методично наклеивала белую бумажку, написав на ней: «Кухонная утварь», «Обувь», «Белье» и так далее. Рабочие делали то же самое.

На следующий день утром мы уже были на своем участке. Я оглядела армию коробок и приуныла — разбирать их придется долго.

— Ерунда, — утешил меня муж, — глаза боятся, а руки делают. Поступим так: вы с Розой займетесь шмотками, а я поговорю с директором детского сада, который находится тут неподалеку.

К обеду Киса оказалась в группе. Милая заведующая детсада, учитывая наши обстоятельства, приняла девочку в виде исключения без медкарты.

— Я пообещал ей принести документы завтра, — объяснил мне Макс. — Найдешь их?

— Конечно, — заверила я супруга. — Коробки самым тщательным образом подписаны, отрою ту, на которой наклеена бумажка «Документы», и готово.

— Умница, — похвалил Макс. — Дела в агентстве идут наилучшим образом, я на работе возьму тайм-аут...

Договорить мужу не удалось — у него заработал телефон. И вскоре я поняла, что заниматься домашними делами он не сможет.

— Придется вам с Краузе вдвоем разбираться, — убрав трубку, сказал Макс. — Где моя дорож-